

18+

Борис Сударов

Годы жизни

В гуще двадцатого века

Борис Сударов

**Годы жизни. В гуще
двадцатого века**

«Издательские решения»

Сударов Б.

Годы жизни. В гуще двадцатого века / Б. Сударов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851364-0

Книга охватывает период с 30-х годов 20 века до сего дня. Воспоминания человека, который в советские времена прошёл по крутой карьерной лестнице на Всесоюзном радио. Каково было идти по этим ступеням в идеологических кандалах? Тиски несвободы... Легендарное Всесоюзное радио, которое давало людям духовную пищу, на самом деле являлось жёсткой режимной организацией. Здесь каждый шаг и каждое слово диктовались линией компартии. И только выйдя из этих стен, человек ощутил творческую и личную свободу.

ISBN 978-5-44-851364-0

© Сударов Б.
© Издательские решения

Содержание

В городе детства	6
Прощай, родимый город. В эвакуации	11
В спецшколе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Годы жизни
В гуще двадцатого века
Борис Сударов

Мария Романушко *Редактор*

© Борис Сударов, 2020

ISBN 978-5-4485-1364-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В городе детства

Как сладко на закате жизни вновь мысленно пережить прожитые годы, вспомнить детство, юность, особенно почему-то детство. Порою, оно кажется мне безмятежным, счастливым, хотя на самом деле, сквозь призму времени, понимаю, сколь трудным и совсем не таким счастливым было оно.

Правда, я еще застал время, когда наша семья жила относительно благополучно. Бабушка, как до революции, несколько лет и при советской власти продолжала заниматься своим маленьким бизнесом. С помощью папы и наемной работницы Варьки, она выпекала хлеб и сама же его продавала.

Бывало, в летнюю пору я подходил к ней, сидящей за столиком на базарной площади, и она давала мне пол-копейки на мороженое.

Но когда в начале 30-х годов в стране разразился голод, а затем была запрещена частная торговля, и бабушкин бизнес был ликвидирован, о прежнем благополучии пришлось забыть.

Помню, холодным зимним вечером, мне было тогда лет шесть, простуженного меня знобило, я лежал на печи. Вдруг вижу, – к нам в дом входят трое незнакомцев. Один в кожаной куртке, двое других – милиционеры в длинных шинелях, на головах буденовки, в руках винтовки со штыками.

Они бесцеремонно прошли в зал и там, поговорив с родителями, ушли, уводя с собой папу.

В милиции, естественно, было известно, что бабушка в прошлом изредка получала из Америки от двух своих сыновей по несколько долларов. Она их не тратила, берегла на черный день. И вот сейчас, когда он наступил, эти сохраненные доллары она должна была отдать государству.

Бабушки в то время дома не было, она гостила у своей дочери – тетушки Жени, в соседнем городе. И папу взяли, как сейчас бы сказали, в заложники.

– Ты не пужайся, хозяйка, – сказал, обращаясь к маме, один из милиционеров. – Приедет старая, сдаст свои доллары, и хозяина отпустить.

Бабушку срочно вызвали. Она приехала, отдала имеющиеся у нее доллары, и папа через три дня вернулся домой.

Этот эпизод навсегда остался в моей детской памяти. Как и последующие голодные предвоенные годы с их ночными очередями за хлебом, очередями у входа в раймаг, когда туда завозили что-то из одежды или обуви.

Я тогда был еще достаточно мал, чтобы переживать эти трудности.

А вот мои сёстры Рита с Евой – девочки, да и постарше меня, обе были симпатичные; им, конечно, хотелось получше одеваться, приличней выглядеть.

Рита вызывала особый интерес у мужской половины города.

Помню, в гости к нам напросился Семен Каган – высокий, интересный молодой человек. Он хорошо играл на скрипке. Рита ему нравилась. И вот он пришел знакомиться. Но Рите он почему-то не нравился и она, прикинувшись больной, запершись в комнате, оттуда не выходила.

Сценка, скажем прямо, была неприятная.

Гость, по просьбе мамы, поиграв на скрипке, ушел, как говорится, не солоно хлебавши.

А Риту родители решили отправить в Москву. Там она окончила курсы и стала работать лаборанткой в каком-то учреждении, живя несколько лет у наших добрейших великодушных родственников – вначале у тети Сони, потом у тети Жени.

Вскоре затем она вышла замуж за Илюшу – мстиславского парня, с которым была знакома с детства. Он в ту пору работал в Управлении Главного технолога на шарикоподшипниковом

заводе. В Москве у него была маленькая однокомнатная квартира без удобств, с печным отоплением. Во дворе, как и у других жильцов дома, был небольшой сарай, где хранились дрова. Туалет, на дверях которого висел маленький замочек, находился как раз под окнами Научно-исследовательского института мясной и молочной промышленности.

Когда в 1944 году я учился в артиллерийской спецшколе в Москве и жил у Риты, я всегда стеснялся входить в туалет. Всякий раз кожей чувствовал на себе нахальные улыбки молодых ученых мужей, стоявших у окна и смотревших, как я ковыряюсь в замочке.

Порой по утрам, когда было время, я совершал пробежки до Рижского вокзала, чтобы посетить там санитарные апартаменты.

Но все это было много позже. А в 30-х годах Рита с Илюшей, а позже с Софочкой приезжали на лето к нам, в Мстиславль.

До сих пор помню вкус «Раковых шеек», которые они привозили. У нас в магазинах их почему-то не было, хотя «Мишки», и другие шоколадные конфеты, были.

Мне как-то Рита привезла такие короткие, чуть ниже колен мальчишеские штаны, которые у соседских ребят вызывали зависть, и коньки.

Но катка у нас не было, и свои «снегурочки» я ни разу не надевал. Ребята как-то приторачивали коньки к валенкам и катались.

Я увлекался лыжами. Своих у меня не было, и я пользовался лыжами старшего брата Володи. Они были длинные, широкие, тяжелые. Володя легко управлялся с ними. На кроссе допризывников в 1938 году, который проводил военкомат, он был одним из первых.

Я же, когда ребята нашего пятого класса сдавали нормы на значок «БГТО» («Будь готов к труду и обороне»), пришел одним из последних, что меня очень огорчило.

На сохранившейся фотографии мы стоим на лыжах после кросса, все в валенках, с противогазами на боку. Рядом – военком и наш вожатый М. Михлин, который потом погиб в период оккупации.

После ликвидации бабушкиного бизнеса, наша семья оказалась в трудном положении, без средств к существованию.

Правда, у папы была хорошая специальность. Он получил музыкальное образование, играл на кларнете. В годы Первой мировой войны, призванный в армию, он проходил службу в музыкальной команде амурской пехотной дивизии, которая находилась на Дальнем Востоке – на случай, если Япония вступит в войну на стороне Германии.

Начальником команды – капельмейстером был у них капитан Агапкин, автор знаменитого марша «Прощание славянки», который до сих пор звучит во время парадов на Красной Площади. После революции Агапкин был главным дирижером Красной армии.

Демобилизовавшись, папа еще с одним музыкантом – И. Минькиным, оказались в Мстиславле, осели здесь и создали духовой оркестр. Его возглавил прекрасный трубач А. Дворин. Музыканты выступали летними вечерами в городском парке, бульваре, как его у нас называли. Там была сцена, танцевальная площадка. Молодежь, да и взрослые любили проводить там время.

Оркестр нередко выезжал в ближайшие села на свадьбы или похороны. Конечно, без него не обходились на всякого рода праздничных городских мероприятиях: демонстрациях, встречах, вечерах.

Но для содержания большой семьи заработка музыканта не хватало, и когда папу пригласили в местную артель, которая специализировалась на выпечке хлебных и кондитерских изделий, он стал работать там.

Помню, летом по утрам я приходил к папе и наблюдал, как он готовил мороженое. Как в большом чане смешивают молоко, яйца, сахар, еще что-то. Кажется, ваниль. Потом эта смесь разливалась в такие круглые бочонки, емкостью килограммов по двадцать, которые устанавливались в ящики со льдом. С помощью специальных приспособлений бочонки надо было

вращать, чтобы смесь равномерно густела, постепенно превращаясь в мороженое. На заключительном этапе я порой в этом принимал участие. И когда примерно через час продукт был готов, папа на специальной деревянной лопатке давал мне большую порцию этого лакомства – для пробы.

Совсем недавно узнал, что и мой двоюродный брат Лева частенько заходил к моему папе (своему дяде) и тоже «снял пробу» с помощью все той же лопатки.

Сейчас, на склоне лет, в памяти всплывают и другие эпизоды из той далекой детской поры.

Зиму я не любил, всегда с нетерпением ждал лета. Уже со второй половины мая мы с соседскими ребятами открывали купальный сезон. Река Вихра, протекавшая по окраине города, в двух километрах от нашего дома, по обоим берегам заросла густым кустарником.

Но в одном месте кустов не было, и там давно образовался песчаный пляж, широтою метров двести. С одной стороны купались женщины, с другой, метрах в ста, – мужчины. Взрослые и дети – все в основном купались нагишом, без плавков – их тогда вообще не было.

У пляжа река была, в общем-то, мелкая. И только у противоположного берега – кусочек метров пять был глубокий. Научившись плавать, мы с ребятами любили преодолевать эту глубину, выбирались на крутой берег и там, на лугу, вдыхая приятный запах трав и полевых цветов, по-детски резвились.

Когда Рита с Илюшей на лето приезжали в Мстиславль, они целые дни проводили на пляже.

Как-то, в очередной раз, перебравшись на другой берег, я нарвал для Риты на лугу букетик полевых цветов, но переплыть с ними обратно мне не удалось. Наглотившись воды, я чуть было не пошел ко дну со своими цветами. Пришлось мне их бросить.

Кстати, Володя тоже однажды чуть не утонул, хотя и хорошо плавал. Ему у пляжа места в воде не хватало, и он обычно уплывал далеко вдоль по реке.

В тридцать шестом году в том месте, где Вихра впадает в Сож, построили электростанцию. Для населения окрестных городов это было огромным событием. Керосиновые лампы можно было убирать в чулан. Их заменили «лампочки Ильича».

По различным техническим причинам шлюзы на электростанции порой то открывали, то закрывали, и вода в этом случае вела себя соответствующим образом: ее вдруг становилось больше или меньше, прибрежные кусты то оказывались в воде, то сухими стояли на песчаном берегу.

Был конец августа. Володе пора было возвращаться в свою сельскую школу, где он после окончания педучилища учительствовал. Это в семи километрах от города. Погожим солнечным днем он с кем-то из приятелей решил на прощанье пойти искупаться. Пляж был пуст. Москвичи и ленинградцы, приехавшие на лето к своим родственникам, вернулись на «зимние квартиры». Школьников прохладная вода тоже уже не так манила, как в жаркие дни.

Володя разделся и, как обычно, поплыл вдоль по реке. В это время шлюзы на электростанции закрыли, и вода в Вихре стала стремительно прибывать. Володя, увлекшись, сразу не обратил на это внимания. А когда понял, в чем дело, возвращаться было поздно. Ему бы не удалось справиться с сильным встречным течением.

Он глазами стал искать место, где бы можно было выбраться на берег. Прибрежные кусты были уже в воде.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы на берегу не оказался его бывший преподаватель по педучилищу Григорьев, которого в городе знали как заядлого охотника и еще как хозяина длинношерстной, коричневого цвета лайки. Григорьев сидел на берегу и отдыхал со своим верным четвероногим другом.

Уж как он конкретно помог Володе выбраться на берег, и какое участие в этом принимала собака, я не знаю. Слышал только, что дома об этом говорили, знал, что папа навестил Григорьева и поблагодарил его.

* * *

В 1938 году Володю призвали в армию. Через три года он должен был вернуться. Мы все ждали его. Ждала его и симпатичная любящая девушка.

Однако в одном из своих последних писем он писал: «Если вы внимательно слушаете радио и читаете газеты, вы, очевидно, догадываетесь, что вернусь я не скоро».

В армии о приближающейся войне знали и готовились к ней. Но, как потом оказалось, готовы не были.

В январе 1940 года Володя приезжал в Москву, встречался с Ритой. Его направляли в авиационное училище. В Москве он должен был пройти последнюю медкомиссию, которую, к сожалению, не прошел.

Еще когда он учился в школе, открывая бутылку газированной воды, он серьезно поранил кисть руки, ему тогда наложили несколько швов. Из-за этого медкомиссия его забраковала.

Володя служил под городом Опочка Калининской области и погиб в самом начале войны.

Осенью 1941 года в ответ на наш запрос в Наркомат обороны мы получили ответ о том, что он «пропал без вести».

О каких-то подробностях его гибели, о предполагаемом месте захоронения мне, к сожалению, ничего не удалось узнать ни в Подольском архиве министерства обороны, ни в московских военных архивах, куда я обращался после войны.

* * *

Рита, как обычно, в начале июня 1941 года приехала с маленькой Софочкой на отдых в Мстиславль.

Стояли теплые солнечные дни; благоухала природа, в садах наливались соками яблоки. В июле к нам должен был приехать Илюша.

Но война поломала все планы. Через час после выступления по радио Молотова, от Илюши пришла телеграмма-молния: «Срочно выезжай».

На следующий день папа провожал Риту с Софой в Москву. Прощаясь в Орше на вокзале, они не знали, что им не суждено будет больше встретиться.

Война пришла к нам в город неожиданно быстро. Уже через неделю у нас стали появляться люди, которых называли странным, незнакомым мне словом «беженцы». Это были, в основном, евреи, которым удалось выбраться из захваченных немцами белорусских городов. Они находили временное пристанище у кого-то из горожан, а затем, отдохнув, закупив что-то из продуктов на дорогу, снова отправлялись в путь. У нас, я помню, останавливалась женщина с двумя ребятами примерно моего возраста, с которыми мы быстро подружились и так же быстро расстались.

Много позже, когда мне довелось короткое время преподавать в пединституте историю, и вести курс «Великая отечественная война», я узнал, что на подступах к Мстиславлю тяжелые кровопролитные бои вели в ту пору войска воздушно-десантного корпуса генерала Жадова

и стрелковой дивизии полковника Попсуй-Шапки. Им пришлось сдерживать натиск Танковой армии фельдмаршала Гудериана, рвущейся к Смоленску и далее к Москве. Конечно, долго продержаться наши войска не могли.

Вечером тринадцатого июля секретарь горкома партии И. Бейнинсон на совещании в горкоме указал коммунистам-руководителям предприятий на тяжелые бои, которые ведут наши войска на подступах к городу, и рекомендовал коммунистам, членам семей командиров Красной Армии, всем евреям завтра покинуть город и уходить вглубь страны.

Руководителям предприятий разрешалось использовать для этих целей весь имеющийся в их распоряжении транспорт.

В этом смысле, в лучшем положении оказались извозчики, которые смогли вывезти без труда свои семьи, и рабочие винзавода, где работал дядя Давид, – у них в распоряжении была грузовая машина и много лошадей.

Прощай, родимый город. В эвакуации

Утром 14 июля люди в одиночку и группами стали выходить из города.

Папа с утра, как обычно, ушел на работу. Однако, вскоре вернулся и сказал, что нам для отъезда дали лошадь, и чтобы мы быстро собрали вещи. «Только самое необходимое, – подчеркнул он, – Мы будем не одни, с нами будет еще шесть семей. Через час за нами заедут».

В артели была большая белая лошадь, на которой по утрам развозили по торговым точкам хлеб, кондитерские изделия, напитки, мороженое... И вот сейчас она должна была стать нашим спасителем.

Началась маленькая, семейная перепалка. Мама хотела взять одно, другое. Папа что-то откладывал в сторону, напоминая, что мы едем не одни, что телега не резиновая.

Я надел свои старые ботинки, решил, что в пути в них будет удобнее, а новые – положил в мешок.

Потом папа ушел к жившему по соседству сапожнику, дабы забрать сшитые на осень сапоги. По пути зашел к Дыментам, чтобы узнать, как у них обстоят дела с отъездом. Издалека увидел стоявшую у дома лошадь, запряженную в легкую пролетку, у которой суетились Исаак слевой; тетя была в доме, собирала вещи, дядя Давид был еще на заводе.

Подходя поближе и глянув на хлипкие рессоры пролетки, папа понял, что они не выдержат четырех человек в столь длительной дороге. Попросил Исаака принести веревку покрепче, и они вдвоем скрепили рессоры. Потом оказалось, что это было весьма кстати.

Вместе, как рассчитывал папа, выехать нам из города не довелось. Винзаводские собрались быстрее, у них на каждую семью была отдельная лошадь. И они могли ехать, а не идти, как мы, рядом с телегой. Дыменты смогли даже увезти с собой корову. Ее хорошо кормили в пути сочной лесной травой. И она, в свою очередь, поила хозяев молоком.

Когда после десяти дней обоз винзаводских добрался до станции Комаричи, не без боли в сердце, с коровой пришлось расстаться. Местная женщина дала пуд сала за нее. «Когда мы прощались с нашей буренкой, – вспоминал позже Лева, – у мамы в глазах были слезы».

Пути наши с Дыментами так и не пересеклись. Выехав из города, обоз винзаводских повернул на Брянск, а мы в направлении на Рославль.

Ночью в лесу где-то возле Петровичей мы остановились. Надо было дать отдых нашему четвероногому спасителю и самим передохнуть. Над нами в звездном небе проносились самолеты. Наши или немецкие – мы не знали. Кто-то из женщин предложил накрыть нашего белого коня чем-то темным, чтобы враг нас не заметил. Святая наивность! Никто не обратил внимания на эти слова.

Минут через тридцать лесной дорогой мы продолжили наш путь. Папа, управляя лошадью, обернулся к нам с Евой и спросил: «Где мама?»

В темноте мы не обратили внимания, что ее нет рядом с нами. Папа остановил коня, и Ева поспешила к месту нашей стоянки.

Хорошо, что мы не успели далеко отъехать. Ева сразу увидела маму. Устав за день, она сидела на пеньке и дремала, не слыша, как мы уехали.

В отличие от наших пожилых мужчин и женщин, я легко переносил многочасовые переходы, обычно уходил вперед, потом останавливался, ждал своих.

Был жаркий день, хотелось пить.

Как-то проезжая большую деревню, мы остановились на околице у колодца. Папа быстро управился с бадьей, болтавшейся на цепи, и мы утолили жажду. Кто-то стал умываться прохладной, освежающей водой. А я, не спеша, как обычно, пошел по дороге. Пройдя метров сто, оглянулся. Смотрю – наши сначала тронулись, было, с места, а потом остановились, и папа быстро направился к колодцу.

Оказалось, никто не обратил внимания, как я ушел вперед. Подумали, что бадья на цепи могла утащить меня в колодец. Я стал махать рукой, и Ева, наконец, заметила меня.

В этой деревне на базаре мы встретили нашего врача Левченко с семьей, еще кого-то из Мстиславских. Все запасались какими-то продуктами.

Проезжая через деревни, на лицах встречавшихся нам местных жителей я не замечал сочувствия нам. В их глазах было холодное безучастие. А в репликах порой можно было услышать и что-то обидное.

Десятидневный переход мы закончили в городе Кирове. У кого-то из наших здесь были знакомые, и они на пару часов приютили нас.

Хозяйка затопила огромную печь, и наши женщины захлопотали возле нее.

Перед тем, как нам покинуть Мстиславль, папа с товарищами, по просьбе начпрода полка, несколько ночей пекли хлеб для его красноармейцев.

В знак благодарности начпрод оставил артельщикам большую, килограммов тридцать, пачку масла. В июльскую жару ее все равно нельзя было сохранить.

Перед отъездом в артели оставалось еще какое-то количество муки, и рабочие решили разделить ее между собой – не оставлять же немцам. И вот сейчас все это здесь, в Кирове, пошло в ход.

Коня папа стреножил и поручил мне приглядывать за ним.

Я стоял под окном и смотрел на нашего спасителя, лениво пощипывающего еще не пожелтевшую траву. А из окна неслись манящие запахи пирожков, булочек... И я не выдержал, зашел в дом, чтобы чем-то полакомиться, всего минут на пять, не больше. Но когда вышел, на ходу жуя пирожок, коня под окном не было. Я обежал вокруг дома, просмотрел ближайшие переулки. Потом наши мужчины обошли все ближайшие улицы, спрашивали людей... Конь как в воду канул. Я чувствовал свою вину. И хотя меня никто не упрекал, старался никому на глаза не попадаться.

Положение упрощалось тем, что железнодорожная станция была неподалеку, всего в семи километрах. По просьбе хозяйки, в доме у которой мы остановились, сосед-кучер на своей лошади отвез нас на станцию. Там мы быстро сели в подошедший товарный состав, который шел с фронта, – туда он отвозил лошадей. В вагоне – запах и все прочее напоминало об этом. Но мы были счастливы.

Через пару часов в Почепе нас подобрал товарный состав с эвакуированными, двигавшийся вглубь страны, – куда – никто не мог сказать.

Здесь уже вагоны были оборудованы специально для перевозки людей двухэтажными нарами...

* * *

Не все взрослые смогут назвать день, когда для них кончилось детство. Мне этот день запомнился на всю жизнь.

В детстве у меня, как и у других ребят нашей тимуровской команды, не было элементарных игрушек, они отсутствовали в наших магазинах. У меня единственной игрушкой был с любовью изготовленный папой деревянный пистолет, покрытый черной краской и лаком, он был похож на настоящий.

В школе старшеклассники ко дню Красной Армии подготовили какой-то спектакль на военную тему. Красного командира в нем играл симпатичный Юра Матюкевич, которому для его роли нужен был пистолет. Но достать его нигде не могли.

И вот Ева попросила у меня для спектакля мою игрушку.

Потом «Красный командир» не хотел мне ее возвращать. Он носился на перемене по залу с моим пистолетом, смешил девчонок.

Как-то, улучив момент, я подкрался сзади к нему, выхватил свою игрушку и убежал...

Через много лет, в Москве, я случайно встретил моего бывшего «обидчика». Полковник Матюкевич после окончания артиллерийской Академии преподавал в институте имени Баумана.

Мы вспомнили довоенный Мстиславль, наших общих знакомых. Оба с улыбкой вспомнили историю с моим пистолетиком...

...Июльским днем сорок первого, покидая Мстиславль, я не мог оставить врагу мою любимую игрушку. Всю дорогу нес ее в руке, или засовывал в мешок с вещами.

Когда папа уже в эшелоне заметил ее у меня в руке, он взял и... выбросил ее из вагона. Вот тогда я понял – кончилось мое детство.

...Поезд то безостановочно мчался вперед, то надолго останавливался на запасном пути какой-нибудь станции, пропуская встречные воинские эшелоны. На всех маленьких и больших станциях еще издали можно было прочитать написанное огромными буквами слово, которое поначалу казалось мне названием станции. **«Кипяток»**

Кипяченую, горячую воду в пути по своему значению можно было сравнить с хлебом. Как только поезд на станции останавливался, мужчины, женщины с чайниками, бидончиками устремлялись к манящей вдалеке надписи. Сколько поезд простоит, никто не знал. Порою, он вдруг трогался, и люди бежали обратно. Хватались за протянутые руки, и их втаскивали в вагон. **«КИПЯТОК»**

Кто-то, не успев добежать, в растерянности останавливался на платформе, тоскливо глядя на удалявшийся состав.

Куда нас везли, никто не знал.

Кто-то размышлял: «Хорошо бы в Среднюю Азию, впереди зима».

Другие считали, что там жарко, лучше бы в Сибирь.

* * *

Ранним утром в начале августа мы прибыли, наконец, в пункт назначения – город Чкалов.

По распоряжению местных властей эвакуированных ждали уже колхозные подводы. На одну из них мы погрузили свой жалкий скарб, сами сели и отправились в неизвестность.

Поздним вечером въезжали в глухую уральскую деревню Сенцовка, где правление колхоза определило нас на квартиру к пожилой супружеской паре. Хозяева любезно предоставили в наше распоряжение маленькую каморку с полатами во всю ее ширину.

Стояли жаркие дни. Не желая лишней раз беспокоить хозяев, мы не торопились селиться в своей каморке, а расположились в сарае на сеновале.

Была решена проблема питания. В счет будущих трудодней мы получали в правлении хлеб и молоко. Молоко, правда, сепараторное. По нынешним меркам – однопроцентной жирности. Но мы были рады и этому.

Пока активная уборочная кампания не началась, для нас работы в поле не было.

Как-то в деревню приехал топограф, в помощь которому надо было выделить человека. И жребий пал... на Еву.

Папа с мамой засомневались, можно ли ее, девчонку, отпускать в степь с незнакомым молодым мужчиной.

– Ладно, папа, я поеду, – сказала Ева. – Ничего со мной не случится, не волнуйся.

Но, когда через три дня вернулась, она заявила, что больше в степь с этим мужчиной не поедет.

Беспокойство мамы с папой было, видимо, не напрасным.

Я очень скоро перезнакомился с местными ребятами и девчонками, ходил с ними на вечерние посиделки, которые устраивались на краю деревни. Там играла гармошка, девчонки пели какие-то незнакомые мне песни, частушки, у всех в кармашках были семечки, с которыми они ловко расправлялись.

Рядом со мною всегда оказывалась рыжеволосая, симпатичная Раечка, которая уделяла мне внимание, угощала семечками.

Трактористы, работавшие в поле, встретили там однажды незнакомого парня. Когда спросили его, кто он и как оказался в степи, незнакомец молчал, ни словом, ни мимикой не реагировал на вопросы. Это насторожило трактористов, и они привели его в правление.

Старик, участник Первой мировой войны, побывавший у немцев в плену, решил, что это может быть шпион. Зная несколько слов по-немецки, пытался что-то прояснить, но тщетно. И тогда в помощь старику позвали меня.

Мы сидели с ним вдвоем, пытаюсь добиться от незнакомца хоть слова. Но он молчал.

Правление, между тем, окружила толпа любопытных. Толкая друг друга, взрослые и дети заглядывали в окно. Сенсация! Поймали шпиона! Поймали дезертира!

После звонка в район, оттуда вскоре пришла машина, парня увезли. Кто был этот странный незнакомец, мы так и не узнали.

Но я стал местной знаменитостью.

* * *

Приближалась осень. Утешительных известий радио не сообщало. Оставаться на зиму в этой глухой деревне, в ста километрах от железной дороги не хотелось. Здесь не было простейшего медпункта, врача, школы.

И вот тогда папа с мамой решили, что нам надо перебраться в большое село Буланово, где все это было.

По приезде туда, мы с папой отправились искать квартиру. Но везде получали вежливый отказ. По совету эвакуированных, ранее обосновавшихся здесь, мы направились в правление местного колхоза. И нас сразу определили на квартиру, где жила довольно большая семья: старики-родители, их дочь с мужем и четырехлетней девочкой.

Нам выделили темную, маленькую каморку с полатами для сна во всю ее ширину, как в Сенцовке.

Рядом на полу находились наши вещи, в том числе увезенный из Мстиславля мешок с мукой. Наш «золотой запас».

Однажды ночью я проснулся от непонятной боли в ухе, в котором что-то неистово тарахтело. Я испуганно заметался на полатах, потом соскочил на пол и волчком завертелся, схватившись за ухо.

Все в доме проснулись, переполошились.

– Ну-ка, наклони голову! – на пороге каморки стоял в одних трусах старик-хозяин. В руках он держал стакан с водой.

– Подставляй ухо. Смелей, смелей! Нальем туда малость воды, и клоп, как ошпаренный, выскочит оттуда.

Я подставил ухо, старик плеснул туда немного воды.

– Теперь попрыгай, выливай воду! – командовал старик.

Я покорно следовал указаниям хозяина, и клоп действительно вскоре вместе с водой выскочил из уха. Постепенно все угомонились, и дом вновь окутала привычная ночная тишина.

Утром мы узнали о другой неприятности, связанной с ночным происшествием.

Нашу каморку освещала бутылочка с керосином и фитилем, которая стояла на маленькой полочке, укрепленной на стене. От испуга, ночью вскакивая, я в темноте задел рукой эту бутылочку. Она упала прямо на мешок с мукой. Испеченный из нее хлеб есть нельзя было, но мы ели. Давились, но ели.

В Буланове я однажды неожиданно встретился с рыжеволосой Раечкой из Сенцовки. Хозяева, у которых мы остановились, были ее родственниками, и она навещала их. Меня она опять угощала семечками.

Вообще, семечки – это национальное лакомство у местного населения. В Буланове, помню, по вечерам вся семья усаживалась вокруг огромного таза с семечками и до ухода ко сну опустошала его. Шелуху сплевывали прямо на пол. Меня ни разу не приглашали в свою компанию. Проходя мимо, я только по-детски облизывался.

С первого сентября, как в доброе мирное время, начались занятия в школе. У меня не было ни учебников, ни тетрадей. За помощью я обращался к местным ребятам.

Домашние задания мы обычно готовили вместе с Олегом Хованским, жившим по соседству. О нем у меня остались самые приятные воспоминания.

Я окончил седьмой класс с отличными оценками. Только по Конституции в аттестате стояло «хорошо». Этот предмет преподавала у нас пожилая еврейка, эвакуированная с Украины. Вид у нее был, прямо скажем, незавидный, неряшливый. Ребята подшучивали над ней, дисциплина на ее уроках оставляла желать лучшего. И в конце учебного года она отыгралась на нас. Отличные оценки поставила только двум девчонкам-тихоням.

Как-то в очереди за бесплатной баландой, которую порой выдавали эвакуированным в местной столовой, папа оказался рядом с ней и спросил про меня.

– Это ваш сын? – удивилась она. – Вот не знала.

Если бы знала, подумал я сейчас, наверное, поставила бы мне отличную оценку.

В начале 1942 года по комсомольской мобилизации Ева уехала в Новотроицк на строительство металлургического комбината. Мы остались втроем.

* * *

Как-то по радио я услышал о наборе ребят, окончивших семь классов, в специальную артиллерийскую школу. Посоветовавшись с папой, я решил поступать в эту школу.

Из Буланова в Чкалов ходили грузовые машины, водители которых за определенную плату брали пассажиров. И вот жарким июльским днем мы стояли с папой на остановке. Не без волнения, как я позже понял, папа провожал меня в дорогу.

В узелке у меня было немного хлеба и чекушка водки, чтобы при надобности задобрить водителя. Горячительные напитки тогда высоко ценились. В свободной продаже их не было. Уж не знаю, как эта чекушка оказалась у папы.

До Чкалова было довольно далеко. Мы выехали в полдень, а в город въезжали поздним вечером, было уже темно. Пассажиры постепенно отпочковывались, где кому удобно было.

– А тебе, парень, куда надо? – спросил меня шофер, когда кроме меня в кузове никого не осталось.

Я назвал адрес женщины, который дала мне хозяйка дома в Буланове.

– О, это где-то на другом конце города, – сказал шофер. – Поедем-ка, друг, ко мне. Переночуешь, а утром уж пойдешь к своим знакомым.

Другого выхода у меня не было. Искать ночью в темноте, в незнакомом городе нужную мне улицу я не рискнул. И принял предложение водителя.

Жена шофера, полная, грудастая женщина сочувственно отнеслась к неожиданному позднему гостю, пригласила к столу. Вкус поданной ею на огромной сковороде картошки, жареной на сале, я еще долго потом ощущал во рту. Такого сочувствия со стороны незнакомых мне людей в трудные военные годы сейчас не припомню.

Утром я сразу направился по указанному в объявлении адресу, где располагалась приемная комиссия спецшколы. Зачисление в это полувоенное учебное заведение прошло быстро, без осложнений. Осмотрела меня врач, симпатичная женщина, потом по математике что-то спросили; попросили сформулировать теорему Архимеда «на погруженное в жидкость тело»...

Сказали, что школа будет располагаться в селе Илек, на берегу Урала, отъезд туда ориентировочно назначен на начало августа, точнее мне заранее будет сообщено.

Делать мне в Чкалове больше нечего было, и я решил возвращаться. Выйдя на шоссе, стал голосовать. Попутная машина подобрала меня лишь во второй половине дня, и в Буланово я приехал на следующий день рано утром. Все еще спали. Не спалось только папе.

Я заметил его издалека, подходя к дому. Он сидел на скамейке и курил махорку, которой его изредка угощал хозяин. Подойдя ближе, я увидел в его глазах слезы: он тревожился за меня, две ночи не спал и вот сейчас расслабился.

Заканчивался июль, а из Чкалова никаких вестей не приходило.

В начале августа из Новотроицка приехала Ева. Она решила всех нас забрать к себе. Правление колхоза и особенно хозяева дома, которые нас приютили, были этим очень довольны. Для проезда до Чкалова нам любезно предоставили транспорт в одну лошадиную силу.

И вот погожим августовским днем, погрузив на телегу свои нехитрые пожитки, мы отправились в путь. Молодая лошадка безропотно тянула нагруженную телегу. Во второй половине дня мы остановились на обочине дороги, чтобы перекусить и дать отдохнуть коню. Мама осталась сидеть на возу.

Вдруг лошадь, испугавшись проезжавшей машины, понеслась по дороге. Мы с папой бросились за ней. Она остановилась только тогда, когда телега перевернулась, и вещи вместе с мамой полетели на землю.

– Ничего, ничего, все хорошо, – поспешила нас успокоить мама, когда мы подбежали к ней.

Поздним вечером, неподалеку в степи, мы остановились на ночевку. Папа стреножил коня и пустил его пастись. Перекусив чем бог послал, мы расположились у телеги на еще не остывшей после дневной жары земле и вскоре уснули.

Проснулись, чуть стало светать. Папа первым делом глянул, где лошадь. Вблизи ее не оказалось. Углубились в степь, но и там ее не обнаружили. Мы все всполошились, наконец, в сером утреннем сумраке, километрах в двух от нашей стоянки, мы с папой увидели нашего коня. Видимо, папа неумело его стреножил и он, освободившись от пут, пошел бродить по степи, с аппетитом пощипывая сочную зеленую травку.

Часа в два мы въезжали в Чкалов. Остановились на постоялом дворе, который колхоз специально содержал для нужд своих людей, по разным делам приезжавших в город.

Я сразу пошел выяснять, когда школа выезжает к месту своего пребывания. Оказалось, отъезд назначен на завтра.

Сейчас пишу эти строки и невольно думаю: как много в жизни может значить Случайно я услышал по радио о наборе в спецшколу, теперь вот, случайно оказавшись в Чкалове, узнал, что завтра школа выезжает в Илек. Не будь этих двух случайностей, совсем по-иному могла сложиться моя жизнь. Лучше или хуже, но не так, как она сложилась. **Его величество случай.**

На следующий день, не без слез, я прощался с родителями.

– Глупенький, что ты плачешь? – улыбаясь, сказала Ева.

– Да, тебе хорошо. А мне теперь, когда еще доведется увидеть папу с мамой? – ответил я, вытирая глаза ладонью.

Детское сердце чувствительно, его не обманешь. Через полгода папы не стало. Он скончался в Чкаловской больнице в апреле 1943 года. Ева о том не сообщила мне, не хотела травмировать детскую душу. Написала только, что папа в больнице, чтобы я больше не писал письма на его имя, так как их ей не будут отдавать. Я догадывался о случившемся, но еще на что-то надеялся.

В спецшколе

Школа, в которой мне предстояло провести следующие два года, была эвакуирована в Чкаловскую область из Киева. Ее первые две батареи комплектовались еще там, на Украине. И по своим моральным качествам украинские ребята резко отличалась в лучшую сторону от ребят нашей, третьей батареи, которая формировалась уже здесь, на Урале. Состав ее был весьма разношерстный: наряду с эвакуированными ребятами в ней было много местных – чкаловских и из других соседних городов, среди которых выделялась небольшая группа шпанистых, жуликоватых парней. С одним из них мне довелось «познакомиться» в первый же вечер после прибытия в Илек.

Тогда, после утомительного восьмидесятикилометрового перехода всех ребят пригласили на ужин. В самом его начале, когда в столовой ненадолго вдруг погас свет, какой-то ловкач стянул у меня кусок хлеба, который лежал рядом с тарелкой.

– Ты, что ли, хлеб взял? – обратился я к соседу – лобастому парню, сидящему рядом.

– Какой хлеб? – удивленно выпучил бесцветные глаза сосед, нагло глядя на меня, – Хм, хлеб кто-то у него взял, – уже явно переигрывая, добавил он, уставившись в свою тарелку и косо поглядывая на меня.

Его по-воровски бегающие глаза говорили о многом, но я не стал больше с ним говорить. Не буду же я тут, в столовой, выяснять отношения из-за какого-то куска хлеба, ставить себя в смешное положение перед незнакомыми людьми.

«Так тебе и надо, – с укоризной подумал я про себя, – В следующий раз рот не разевай!».

После ужина всем были розданы постельные принадлежности. Каждый получил одеяло, две простыни и матрасник с наволочкой, которые предстояло набить соломой. Стог ее стоял у края двора. В лучах заходящего за горизонт огненного солнечного шара он высился в сумерках, словно вылитый из бронзы монумент.

Жить нам предстояло в помещениях местной школы, которую в связи с этим перевели куда-то в другое место. В основном двухэтажном здании разместили первую и вторую батареи. Нашей батарее предоставили оборудованный для проживания спортивный зал: здесь были установлены двухэтажные нары, в углу стояла огромная, до самого потолка, круглая, обитая черной жестью, печь.

Раньше других забежав в свое помещение, я на облюбованное мною место у печки положил одеяло и простыню, а с матрасником и наволочкой направился к стогу соломы. Там уже копошилась толпа ребят. Тесным кольцом окружив стог, пыхтя и фыркая от пыли, они старательно набивали соломой свои матрасы и наволочки.

Подойдя поближе, я в нерешительности остановился: сквозь плотный заслон пробиться к стогу было непросто – места покидавших это живое кольцо, словно оно было из воды или теста, моментально заполнялись другими. Заметив, наконец, в этой сплошной стене человеческих тел появившийся на мгновение просвет, я юркнул в него, присел на колени и стал заполнять матрасник и наволочку жесткой, колючей мелко нарезанной соломой.

– Потуже набивай, – советовал сидевший рядом на корточках рыжий парень, – через месяц вся эта солома превратится в труху.

Прислушавшись к совету, я затолкал в матрасник еще немного соломы, ногами утрамбовал ее, добавил еще, затем встал, взвалил матрас за спину, взял в руки подушку и пошел в свою батарею.

Войдя в помещение, еще с порога увидел, что мое место уже занято. На туго набитом круглом, как рядом стоящая печь матрасе, возлежал мой недавний знакомый, лобастый блондин, который за ужином в столовой сидел рядом со мною. Заложив руки за голову, он неуклюже вертел задом, пробуя, удобно ли будет ему спать на своем матрасе.

– Что ж ты занял мое место? – Я остановился перед ним, снял с плеча матрас и поставил его на пол.

– Чего-о? – зло нахмутив брови, вызывающе спросил лобастый.

– Здесь лежали мои постельные, – сказал я.

– Ничего не знаю, место было свободное.

Я стоял в нерешительности, не зная, как поступить: уступить или нет.

– ... а твои шмотки, – продолжал лобастый, – вон где.

Он кивнул в сторону, где у самого окна на нарах лежали мои вещи.

Мне не хотелось уступать, но и ввязываться в драку я тоже не решался. Лобастый был явно сильнее меня.

Я положил матрас с подушкой на свободное место и вышел во двор: хотелось побыть одному, остыть, успокоиться после неприятного разговора с этим вороватым субъектом.

Был теплый летний вечер. Солнце уже закатилось за горизонт, и на свою космическую вахту заступила луна.

Я бродил по темному опустевшему двору, перебирая в памяти все, что случилось за минувший год со мной, с нашей семьей.

Как там мама с папой, как Ева? Я присел на какое-то бревно у забора, задумался, что ждет меня здесь, в этом чужом для меня окружении?..

* * *

Наступил сентябрь. Однако занятия, против ожидания, не начинались, школа готовилась к зиме: утеплялись жилые помещения, на склад завозились продукты, теплые вещи.

А вскоре вся наша батарея во главе с комбатом – лейтенантом Хруцким выехала на лесозаготовки.

Первый день ушел на обустройство. На возвышенном месте, на небольшой сухой поляне разбили палаточный лагерь, в новые зеленые армейские палатки ребята натаскали сухих сосновых веток, прикрыли их брезентом, поверх положили свои одеяла. Оборудовали палатку для хранения продуктов, место для котла, в отдалении за густым кустарником соорудили нехитрый туалет. Были укомплектованы бригады из трех человек, указаны участки, определена норма.

И на следующий день зашумело, загудело вокруг. Заскрипели пилы, застучали топоры, с треском и хрустом падали деревья, тревожно голосили перепуганные птицы.

К вечеру выяснилось – выполнить норму удалось немногим, не под силу она оказалась и мне. В последующие дни ребята стали ловчить: чтобы штабель был выше и дров казалось больше, сучья на бревнах оставляли подлинней, а в середину штабеля запихивали толстые ветки; некоторые таскали бревна из штабелей, сданных уже накануне.

Во всех этих хитростях особенно преуспевала бригада лобастого, Валерия Курдюкина, которая уже к обеду умудрялась выполнить норму, и отправлялась в лагерь на отдых. На вечерней проверке, когда подводились итоги дня, Курдюкину и его подельникам под дружный хохот всей батареи неизменно объявлялась благодарность.

Доверчивый, как ребенок, комбат и мысли не допускал, что его могут обманывать, и поэтому каждый раз в таких случаях с недоумением смотрел на резвившихся в строю юнцов, вопросительно сверля их единственным глазом (второй он успел потерять на фронте).

«Тут что-то не так, – решил он, наконец, – надо будет посмотреть за работой этих шустрых ребят». Последующие дни комбат постоянно находился в бригаде Курдюкина, даже брался за топор, помогая освободить стволы деревьев от веток. Но выполнить норму к обеду, как ни старались «ударники», так и не могли. Мыльный пузырь лопнул...

Была та ранняя осенняя пора, когда ночи становились уже все более прохладными, но дни еще стояли солнечные и теплые. Когда листья на деревьях кое-где уже желтели позолотой осеннего увядания, но лес не утратил еще свежести и зеленого убранства, а стал еще более привлекательным.

Я по утрам вставал раньше других, с наслаждением вкушая необыкновенную прелесть лесного аромата, который после спертого воздуха в палатке казался еще более приятным – чистым блаженством, – убежал в чашу и там занимался физзарядкой.

Еще в Буланове у Олега Хованского мне на глаза попало пособие по спортивной борьбе. И вот сейчас, здесь, в лесу, я пытался освоить отдельные простенькие приемы, о которых рассказывалось в этой книжке.

Заканчивалась третья неделя нашего пребывания в лесу, когда однажды в полдень к нам неожиданно нагрянуло школьное начальство во главе с зампохозом. Нам привезли продукты, газеты, письма. Хозяйственники побывали в рабочих бригадах, прикинули, сколько заготовлено дров, и укатили обратно.

Вечером, вернувшись в лагерь, ребята стали разбирать разложенную на самодельном столике почту.

Я не ждал так скоро писем от своих из Новотроицка и был приятно удивлен, когда увидел на конверте знакомый папин почерк.

Папа сообщал, что они втроем живут пока в огромной – на 70 человек – землянке, но им обещали что-то другое, что он получил деньги за проданные мною домашние вещи, которые я послал им по прибытии в Илек. Еще он посчитал нужным напомнить мне про неприглядный случай с блинчиком, который произошел у меня в Буланове.

...В тот день хозяйка нажарила к обеду блинчики с мясом. Огромная, как тазик, полная миска их стояла на столе в столовой. Проходя мимо, я не мог устоять от соблазна попробовать один блинчик. Старик-хозяин стоял во дворе и через окно видел это.

Вечером с папой они сидят вдвоем в столовой, курят махорку, о чем-то беседуют. Я решил выйти погулять во дворе и, проходя мимо них, услышал ядовитый голос хозяина:

– Ну как, блинчик – вкусный?

Я покраснел, ничего не ответил и вышел во двор. Папа сразу понял, в чем дело. И потом в каморке провел воспитательную беседу со мной.

И вот сейчас, в письме, упомянув историю с тем злополучным блинчиком, он выразил озабоченность моим нынешним поведением.

Ах, папа, честнейший человек! – подумал я. – Ты опасаясь, что я могу не выдержать возникшие трудности и встану на скользкую дорожку. Не волнуйся, я не опозорю своим поведением ни тебя, ни себя.

Примерно так я позже и написал папе.

Начинался ужин. Все устремились к батарейному котлу, где повар разливал уже в протянутые алюминиевые котелки картофельный суп.

Затем под общий одобрительный гул всем было роздано по три блинчика с мясом – подарок труженикам леса от заведующей столовой, привезенный сегодня начальством. Подогретые поваром на костре, горячие и пахучие, они буквально таяли во рту. И ребята, почти не жуя, проглатывали их, до конца как следует даже не прочувствовав их вкуса. Некоторые, желая продлить удовольствие, оставляли третий блинчик, чтобы съесть позже или завтра, бросали его в котелок и уносили в палатку.

Расправившись со вторым блинчиком, я взялся, было, за третий, но остановился. – Какая-то сила удерживала меня от величайшего соблазна отправить его в рот, и этой силой была вдруг возникшая мысль – использовать третий блинчик, как... приманку, на которую можно поймать воришку. Благо, поводов было достаточно.

С некоторых пор в батарее участились случаи мелких краж. У кого-то стащили кусок хлеба; Веню Горшкова как-то навещала его мать, эвакуированная с сыном из Севастополя в Чкалов, – привезенными ему гостинцами еще до того, как мы уехали в лес, тоже кто-то поживился.

Я интуитивно чувствовал, что ко всем этим неблагоприятным делам имеет отношение мой лобастый «друг» Курдюкин и два его дружка – Митя Дроздов и Паша Макаренко. Но доказательств у меня не было, и я ни с кем не делился своими подозрениями.

И вот сейчас решил пожертвовать блинчиком, чтобы, наконец, выявить воришку. Ополоснув котелок, я у всех на виду положил в него нетронутый блинчик и пошел в палатку; взяв в своем вещмешке огрызок химического карандаша и маленький перочинный ножичек в виде каблучка – его мне подарила в свой последний приезд к нам Рита, – я направился в ближайшие кусты и там, развернув блинчик, настрогал в него карандашную пыль; затем сложил его и, вернувшись в палатку, поставил котелок с приманкой у изголовья рядом со своим вещмешком, небрежно, лишь наполовину, прикрыв котелок крышкой. Теперь оставалось только ждать и гадать, кто же попадется в расставленную ловушку. Сидя с ребятами неподалеку на спиленном дереве, я искоса поглядывал за входом в палатку, видел, как Курдюкин и его дружки заходили туда, но проверив, убедился, что блинчик они не трогали.

Утром глянул в котелок – наживка была на месте. «Неужели зря испортил блинчик?» – подумал я с огорчением.

Я вышел из палатки и, как обычно, после пробежки полчаса занимался гимнастикой и отработкой приемов борьбы. А когда вернулся, первое, что бросилось в глаза, – открытый котелок, крышка валялась рядом.

«Эврика! – мысленно воскликнул я. – Попался голубчик!». Я сразу глянул в угол, где спали Курдюкин и его дружки, но никаких признаков, что отличился кто-то из них, я не отметил; все трое лежали с закрытыми глазами, у всех лица чистые, как у новорожденных. Я окинул взглядом лица других, но чернильных следов ни на одном из них не обнаружил.

«Кто-то взял блинчик, но съесть его не успел, – понял я. – Ладно, подождем».

Я сложил свое одеяло, взял полотенце и вышел из палатки.

Повар уже разжег костер и готовил завтрак; в конце поляны разминался комбат. «Надо рассказать ему про блинчик», – подумал я и подошел к лейтенанту.

– Хм, ну что ж, посмотрим, кто попадется в ваши сети», – сощурился в полуулыбке единственный глаз, сказал комбат, выслушав меня.

Вскоре несколькими ударами висевшую на суку снарядную гильзу дневальный известил о подъеме. Жмурясь после сна от яркого света, ежась от утренней бодрящей прохлады, ребята лениво выходили из палатки и бежали по утренней росе в дальние кусты, а затем тянулись к прикрепленному на дереве единственному умывальнику.

Один из них, Сережа Деточкин, сутулый, нескладный ленинградец, вытянулся перед стоявшим в стороне комбатом.

– Товарищ лейтенант! У меня кто-то блинчик стащил.

– Хорошо, я разберусь, идите, – только и мог сказать комбат. «Кто же это, черт возьми, промышляет тут?» – подумал он.

Он стоял злой, всматриваясь в проходящих мимо ребят, надеясь на лице кого-то из них найти ответ на свой вопрос. Но перед ним вот уже дважды (туда и обратно) прошла почти вся батарея, а малейшего подозрения никто не вызвал.

Комбат хотел было уже оставить свой пост, когда внимание его вдруг привлек пробежавший мимо к умывальнику Паша Макаренко: губы его, щеки были все в чернилах.

«Наконец-то!» – подумал лейтенант и подозвал Пашу к себе.

– Что это у вас лицо в чернилах? – спросил комбат.

– Не знаю, – с искренним недоумением ответил Макаренко. Он провел ладонью по щекам, потом посмотрел на руку.

– Как же это вы не знаете?

– Не знаю, – повторил Макаренко, еще не догадываясь, что же произошло.

– Ну что ж, тогда я вам объясню. Вы только что там, в кустах, съели блинчик, в который был настроган химический карандаш. Все очень просто, как видите.

Макаренко стоял, опустив глаза, подавленный, не зная, что сказать. Проклятый блинчик! И все из-за Валерки!

Маленького роста (в строю он стоял на самом левом фланге), слабого, его опекали физически крепкие Курдюкин и Дроздов. Все трое были из одного города – Орска. Еще там знали друг друга и здесь держались вместе.

Сегодня утром, когда все еще спали, спрятав головы под одеяла (так теплее), Курдюкин решил пошарить по котелкам, и, поживившись двумя блинчиками, один из них удружил рядом лежащему Макаренко.

И вот сейчас ему надо что-то говорить, оправдываться. А что он может сказать?

– Вы только, это самое, не думайте, – блинчика я не брал.

– Вот тебе раз! Блинчика он не брал!

– Не брал, – упрямо твердил Макаренко.

– Как же он попал вам в рот? Вам что – насильно кто-то его впихнул туда?

Бедный Паша ничего вразумительного сказать не мог. Он стоял, опустив голову, весь вспотевший от волнения, с лицом в чернилах и молчал.

– Ну вот что, Макаренко, у меня нет ни времени, ни желания с вами возиться, – терял терпение комбат. – Или вы сознаетесь во всем и скажете мне всю правду, признаетесь, что и блинчик, и все пропадавшее в батарее дело ваших рук...

– Я ничего не брал ни у кого, и блинчика тоже не брал, – дрожащим голосом лепетал Паша.

– ... Или вы будете за воровство отчислены из школы.

Для Макаренко было самым страшным и самым обидным с такой формулировкой в документах уехать домой; его глаза наполнились слезами, но он никак не мог решиться назвать имя того, кто дал ему этот злополучный блинчик.

Лейтенант интуитивно чувствовал, что он действительно не виноват, что блинчиком его кто-то угостил. Тогда кто же? Им мог быть только Курдюкин, его дружок. Но в таком случае Макаренко должен его назвать.

– Я вас последний раз спрашиваю, Макаренко: если не вы взяли блинчик, то кто вам его дал? Не признаетесь, будете отчислены из школы за воровство.

Макаренко продолжал молчать.

– Ну что, нет мужества назвать имя своего дружка? Это ведь Курдюкин вас облагодетельствовал, не так ли?

– Да, – тихо выдавил, наконец, Макаренко.

Между тем, прозвучала команда старшины приготовиться к утреннему осмотру, и батарея потянулась к месту построения. Проходившие мимо ребята не обращали внимания на комбата и стоящего перед ним Макаренко, – мало ли о чем говорят. Я стоял неподалеку, все видел и слышал, но подходить не стал, – надо будет, – комбат позовет.

Курдюкин же, выйдя из палатки и увидев своего дружка, стоящим перед лейтенантом, насторожился и, проходя мимо, замедлил шаг. Комбат заметил его и подозвал к себе.

– Что же это вы, Курдюкин, друга своего подвели, а?

– Я, а что? Я ничего, – большие на выкате бесцветные глаза Курдюкина под белыми выцветшими бровями и столь же почти невидимыми белесыми ресницами бегали, смотрели то на Макаренко, то на комбата.

– Ну, как же ничего? Угостили вот его блинчиком, а в нем оказалась пыль от химического карандаша. Теперь ваш друг никак не может отмыться. Нехорошо получается, Курдюкин, плохо.

– Каким блинчиком? Вот еще новости! До конца не сознавая, что попался, Курдюкин делал вид, будто он не знает, о чем идет речь.

И лишь когда Макаренко, виновато глядя на него, тихо сказал: «Валера, он все знает», – Курдюкин понял, что отпираться бесполезно. Он укоризненно посмотрел на друга, дескать, «Эх, ты!».

Комбат заставил его в то утро перед строем батареи извиниться и дать слово, что больше он вещи у ребят таскать не будет.

А вечером, уже уснувшего Курдюкина разбудил дневальный: «Комбат вызывает».

И как только сонный, встревоженный, он вышел из палатки, на голову ему ребята накинули одеяло, повалили на землю и изрядно поколотили.

Но урока из этого он не извлек. Потом в селе он сменил только объект своего воровского внимания, – стал воровать у местного населения.

Сельчане, надо сказать, в большинстве своем жили довольно комфортно. У всех были добротные дома, многие содержали коров, другую живность. Отсюда – молочные, другие продукты. Сложности были только с одеждой, обувью. До города, где можно было что-то приобрести, – далеко, туда не наездишься.

И ребята, получив военную форму, легко сбывали населению на деревенской толкучке свою домашнюю одежду и обувь, что кстати, сделал и я.

Но Курдюкин с Дроздовым на базаре не появлялись. У них была разработана другая тактика сбыта своих вещей. Они заходили непосредственно в дом своей жертвы. И пока Дроздов торговался в комнате с хозяйкой, Курдюкин шарил в сених. А там можно было пожиться многим. На полках стояли кубатки (такие глиняные емкости) кислого молока, мясо, сало, масло... Курдюкин хватал что-то и убегал.

Сельчане быстро разгадали нехитрую тактику воришек. И как только на пороге появлялся кто-то из наших, хозяин с кочергой выскакивал в сени...

Курдюкин долго ходил с фонарями под глазами.

* * *

...Когда в начале октября мы, завшивленные, грязные, вернулись из леса в село, нас сразу направили в баню, при которой работала вошебойка; вся одежда подвергалась термической обработке. Однако температура в дезакамере была недостаточно высокой, чтобы уничтожить паразитов, и те, лишь приятно согревшись после лесного холода, продолжали еще долго терзать ребячьи тела.

Начавшиеся занятия проводились в учебном корпусе, расположенном в полутора километрах от основного здания. Пока стояла сухая погода, преодолевать это расстояние не составляло особого труда, скорее такая прогулка была даже приятна ребятам. Но когда пошли холодные дожди, а затем вдруг наступила зима с ее суровыми уральскими морозами и снегопадами, переход в «учебку» не казался уж столь привлекательным.

Зимой нередко мощный снегопад к утру так запечатывал входные двери, что выйти из помещения нельзя было. А чтобы добраться до учебного корпуса, приходилось одевать

валенки, так как снегу наваливало выше колена. Однако валенок хватало только на одну батарею. Как быть? И школьное начальство нашло выход: нас переправляли в учебный корпус поочередно, там ребята быстро переобувались в свои ботинки, а валенки грузили на санки, и старая костлявая школьная лошадь доставляла их в главный корпус, где была уже готова к отправке очередная группа. Пока шли занятия, дорожку расчищали от снега, и возвращались мы уже без валенок, в своей обуви.

В морозные дни в учебных классах царил дикий холод: в чернильницах замерзали чернила, руки коченели, бушлаты в классах мы не снимали до самой весны.

И все же учебный процесс проходил, не прерываясь ни на один день.

Из учебных дисциплин мне больше нравилась литература и, особенно – история, которая, однако, с февраля уже не казалась мне столь привлекательной, как раньше. А причиной тому был случай.

Преподавал историю прекрасный педагог Исаак Аркадьевич Строк, эвакуированный сюда, на Урал, со спецшколой и своей большой многолетней семьей. Небольшого роста, кругленький, толстенький, как бочонок, он был строгим преподавателем, до педантизма любил порядок и дисциплину. Ребята ценили его как педагога и в то же время иронически-снисходительно относились к нему, как к человеку, между собой называя «бочонком» или «Изей».

Исаак Аркадьевич любил периодически устраивать своеобразные контрольные работы: в большом, рыжем, пухлом портфеле он приносил в класс листочки с вопросами, раздавал каждому по такому листку, а через десять-пятнадцать минут дежурный собирал листки уже с ответами на вопросы и клал их преподавателю на стол. Особого восторга у ребят эти блиц-контрольные не вызывали, так как после них в классном журнале каждый раз появлялось довольно много неприятных оценок.

В тот февральский морозный день в классе было уж очень холодно, и на уроке истории ребята решили развлечься: стали жечь под партами бумагу, чтоб согреть окоченевшие руки. Возмущенный столь дерзкой нашей недисциплинированностью, учитель прервал изложение нового материала и, приступив к опросу, наиболее «отличившимся» поставил в журнале несколько жирных двоек. Посчитав, однако, это недостаточным, чтобы выразить свое негодование, он открыл затем свой пузатый портфель, извлек оттуда очередные листки с вопросами и раздал их притихшим озорникам.

Контрольная ничего хорошего нам не сулила, писать ее мы не хотели и в свое оправдание стали выдвигать всевозможные доводы: холодно, чернила замерзли, нечем писать... Но преподаватель был непреклонен. По классу пошла гулять записка:

Исаак Аркадьевич заметил ходившую по рукам записку, и когда она оказалась у Паши Макаренко, потребовал:

– Встаньте, Макаренко! Что там у вас? Принесите сюда!

Макаренко не двигался с места. Не зная содержания записки, он стоял, не шелохнувшись, зажав в руке клочок гремучей ртути.

– Макаренко! Вы что – не слышали?

Но тот продолжал стоять.

Исаак Аркадьевич подошел, протянул руку.

– Дайте мне записку.

Бедному Паше некуда было деваться, и он разжал кулак.

Исаак Аркадьевич подошел к столу, развернул записку, пробежал ее глазами.

– Так, – протянул он и небрежно бросил бумажку на стол. – Ну и кто же автор этого бессмертного произведения?

Лицо его покрылось розовыми пятнами. Внешне он был спокоен. И лишь пятна на лице свидетельствовали о его волнении.

Класс настороженно молчал. Никто не знал сочинителя крамольных строк, все смотрели друг на друга.

– Что, нет мужества признаться?

– Я это написал, товарищ преподаватель, – встав и покраснев, признался я.

– Вы?! Вот уж, признаться, не ожидал.

– Извините, товарищ преподаватель, это просто шутка.

– Шутка?

– Да. Глупая шутка.

– Ну что ж, хорошо хоть, что вы так оценили свой опус. Тем не менее, я прошу вас после уроков зайти в учительскую. Там мы продолжим наш разговор.

А сейчас всем десять минут для ответа на вопросы контрольной...

Неприятный разговор в учительской не привел к каким-либо «оргвыводам», но неприязненное отношение преподавателя ко мне я испытывал до конца года, и история не казалась мне уж столь привлекательным предметом.

Но вот немецкий язык давался мне легко, и маленькая сухопарая Агнесса Семеновна, обычно скупая на похвалу, порой даже ставила меня в пример другим.

Наш любимый Изя Строк
К нам сегодня слишком строг,
Двоек он в журнал наставил
И контрольную писать заставил.
А как ее без ничего писать?
У нас ни ручек, ни чернил.
Будем, братцы, бастовать,
Что бы Строк ни говорил!

* * *

Помимо учебных занятий нам доводилось выполнять ряд чисто хозяйственных работ: помогать на кухне, ездить в лес за дровами, убирать территорию...

В день поездки в лес мы поднимались обычно в пять часов. На кухне нас плотно кормили, порой нам доставались при этом какие-нибудь деликатесы. Например, те же жареные блинчики с мясом, которые предназначались для начальства. Конечно, кухонные работники не забывали и про себя.

Вообще, на кухне нас жалели, ведь мы уезжали на целый день, в любую погоду.

Облачались мы, конечно, при этом в соответствующую одежду: теплые ватники, валенки, давали нам теплые рукавицы.

Найти в лесу свои, подготовленные нами осенью штабеля, не всегда удавалось: они скрывались под толстым слоем снега. К тому же, подъехать к ним порой не удавалось. И мы брали бревна с чужих штабелей, к которым можно было подъехать. Так же, впрочем, как и нами заготовленные бревна, затем брали другие. Так что в обиде никто не оставался.

Наконец, долгая морозная зима закончилась. Потекли по дороге веселые весенние ручейки. В зарослях на берегу Урала слышались любовные трели соловьев, где-то вдали за рекой неутомимо куковала кукушка...

В конце июня школа торжественно провожала выпускников в артиллерийские училища. Мечта их сбылась: большинству из них довелось еще повоевать на фронте. Кому-то посчаст-

ливилось, и они здоровыми и невредимыми дожили до дня победы, кому-то не повезло, и они встретили свой смертный час на поле боя: кто-то на Западе, кто-то на Востоке.

Второй и третьей батарее лето предстояло провести в дотеле никому из ребят неизвестных Тощих военных лагерях. Но прежде всем был предоставлен месячный отпуск.

* * *

В начале июля я выехал к нашим, в Новотроицк.

От Чкалова до Орска – поездом часов пять-шесть езды, а затем до Новотроицка – километров пятнадцать предстояло добираться на попутке или пешком.

Был поздний вечер. Я ехал в воинском солдатском вагоне, пристроившись на нижней полке у окна; вещмешок подсунул под полку, время от времени ногой удостоверяясь, что он на месте. Вагон был полон солдат, на остановках одни выходили, другие заходили. От стойкого запаха человеческих тел и табака меня слегка подташнивало.

Еще при посадке в Чкалове рядом со мной оказался хмурый, неразговорчивый солдат, на вид чуть постарше меня. Мы сидели молча, каждый думал о своем.

Кому далеко было ехать, устроились на второй или третьей полке и там прописались на ночь.

Мне не хотелось спать, но поближе к утру и меня сморил сон. Проснувшись, увидел рядом с собой уже другого пассажира. Машинально ногой ткнул под лавку – пустота! Нагнулся, надеясь все же увидеть свой вещмешок.

Вот он, родимый! Вытащил. Увы, то был вещмешок моего нового соседа. До слез было обидно. В вещмешке у меня был сухой поек, выданный всем нам на дорогу. И еще кое-что сэкономленное мною: сахар, масло, консервы, даже плиточка первомайского шоколада. Я думал – приеду не с пустыми руками. И вот – на тебе.

Какой же бестолковый, укорял я себя. Вспомнил пайку хлеба, которую утащил у меня в столовой Курдюкин. Теперь это. Решил своим не говорить, чтоб лишний раз их не огорчать.

Прохладным ранним утром я вышел из поезда на перрон. Уточнив у местной женщины, как мне попасть в Новотроицк, не спеша пошел по дороге. После душного вагона на свежем воздухе легко дышалось.

Услышав вскоре сзади звук подъезжавшей машины, я обернулся, но, увидев доверху нагруженный чем-то грузовик, голосовать не стал.

Минут через тридцать, оглянувшись и увидев приближавшуюся легковушку, я неуверенно поднял руку. Машина проскочила мимо, но затем остановилась. Ускоренным шагом я подошел и, ни на что не надеясь, спросил:

– До Новотроицка не подвезете?

– Садись, солдат, – сказал водитель и, кивнув головой на место рядом с ним, открыл дверцу.

Я сел, машина плавно тронулась с места.

Заднее сиденье на всю его ширину, как я успел заметить, занимал огромного роста полный мужчина.

«Какой-то большой начальник», – подумал я. – Это он приказал водителю остановиться.

– Вы что, молодой человек, служите в армии? – спросил меня пассажир, смущенный, как я понял, моим возрастом.

– Учусь в специальной артиллерийской школе, – ответил я гордо.

– А в Новотроицк по какому поводу направляетесь? – Не скрывая любопытства, продолжал интересоваться мною пассажир.

– Здесь работают мои родители и сестра, я еду их навестить.

Вскоре мы въезжали в город. Я поблагодарил водителя и пассажира и вышел из машины.

Редкие дома терялись среди многочисленных землянок. Я стал искать нужную мне. У одной из них спиной ко мне стояла женщина. Я подошел, извинился, хотел спросить, где может быть землянка номер пятьдесят. Женщина вздрогнула и обернулась.

– Ой! – вскрикнула от неожиданности мама, узнав меня.

Огромная, человек на семьдесят землянка, в которую мы вошли, была мужской. Папа с мамой и Евой жили здесь в маленькой огороженной клетушке у самого выхода. Здесь были уже знакомые по Сенцовке и Буланову, на всю ширину отсека, полати. На полу, в углу – вещи...

– Ева на работе, она придет только вечером, – сказала мама. – Ты устал с дороги, голоден. У меня нечем даже тебя покормить.

– Ничего мама, я не голоден, не беспокойся. А где Ева работает?

– Официанткой в рабочей столовой. Это здесь недалеко. Если ты не хочешь отдохнуть, сходи к ней, заодно пообедаешь там.

Столовая, куда я вскоре зашел, представляла собою огромный зал человек на сто.

За длинными столами сидели люди в рабочей одежде. С первым они уже справились. И теперь в нетерпеливом ожидании второго негромко стучали ложками по столу, выражая этим свое неудовольствие затянувшейся паузой. Все смотрели в сторону раздачи. Там столпилось с десятков официанток.

Еву я сразу заметил, но подходить не стал, решил подождать окончания обеда.

Наконец, у раздачи началось оживление: официантки стали загружать свои подносы. Чтобы ускорить процесс, они на две рядом стоящие тарелки ставили третью, а иногда такое двухэтажное сооружение превращали в трехэтажное.

Для худенькой, небольшого роста Евы это было непросто, но отставать от других ей не хотелось.

Вечером она мне рассказала, что, однажды споткнувшись, она уронила поднос и с ее зарплаты потом долго высчитывали за нанесенный урон.

Обед заканчивался и вскоре зал опустел.

Я подошел к Еве, мы обнялись.

– Что же ты не предупредил, когда приедешь? – спросила она.

– Считаю, что окажусь здесь раньше, чем придет письмо, – оправдывался я.

Официантки с интересом разглядывали меня. Узнав, что к Еве приехал брат, накрыли стол, и мы все вместе пообедали.

Еве надо было убрать столы, подготовиться к ужину, и я собрался уходить.

– Подожди, захватишь мамин обед, – сказала Ева и отлучилась.

Вернувшись, вручила мне бидончик.

Я узнал его, он проделал с нами весь долгий путь, начиная с Мстиславля. Выручал нас, когда мы шли пешком, ехали в эшелоне, потом в Сенцовке, в Буланове... И вот он, родимый, продолжает служить нам здесь, как добрый старый друг.

Я взял бидончик и ушел.

Мама ждала меня у входа в землянку.

– Я думала, вы придете вдвоем. Еву, наверное, непустили, – посетовала мама.

– Ну, она же на работе, мама, – сказал я.

– Да, конечно, я понимаю, – согласилась она.

Мы прошли в землянку. Согреть обед было не на чем, и маме пришлось есть его холодным.

– Ты там пообедал? – спросила мама.

– Да, ты ешь, ешь, – сказал я.

Вечером пришла Ева, присела рядом на полатах.

– А ты, я смотрю, за год подрос, выглядишь настоящим солдатом, – глядя на меня, с улыбкой сказала она. – Как ты добирался сюда от станции? Пешком, тебя никто не подвез?

– Меня подобрала легковушка. Судя по всему, в ней ехал какой-то большой начальник. Огромный детина, довольно упитанный, – сказал я.

– Это Сапрыкин, – догадалась Ева, – начальник ОРСа. Он тут царь и бог, всем заправляет – жильем, питанием...

Поздно вечером Ева предложила нам прогуляться.

Уличного освещения тогда в поселке не было, и по вечерам он погружался в сплошную темень.

Тогда-то Ева сообщила мне печальную весть о смерти папы. Рассказала, как она ездила в Чкалов по этому поводу, как беседовала с врачом, медсестрами...

Я не заплакал, как всего год тому назад в Чкалове, прощаясь с родителями. От печали сердце только больно сжалось, и в горле запершило.

Не заплакал не потому, что был готов услышать то, что услышал.

Нет, просто дети во время войны быстро выросли и могли сдерживать слезы.

Когда мы с Евой вернулись, мама уже лежала, готовая ко сну. Мы тоже легли и вскоре все уснули. Но не надолго. Я проснулся оттого, что меня кто-то нещадно кусал. Неужели клопы, подумал я, и вспомнил, как в Буланове клоп забрался мне в ухо.

Я вертелся, крутился, но уснуть уже не мог.

Проснувшаяся Ева, видя, что я не сплю, включила свет. Полчища этих прожорливых кровопийцев, испугавшись, стали расползаться по сторонам. А с потолка им на смену пикировали другие.

– Я уже не знаю, что с ними делать, – сетовала Ева. – Недавно провели дезинфекцию, но эти твари – живучие, никакая отравка на них не действует.

Постепенно мы успокоились, решили свет не выключать. Но уснуть я уже не мог.

Утром Ева, захватив бидончик, ушла на работу.

– Приходи ко мне, – сказала она уже с порога. – Сам позавтракаешь и заберешь завтрак для мамы. Еще тебе надо будет получить продовольственную карточку. Контора здесь неподалеку.

Мама дремала. Я лежал с закрытыми глазами. После ночного кошмара с клопами хотелось спать. Но сон уже не шел ко мне.

Я встал, умылся под умывальником и решил пройтись, разведать, где эта самая контора, в которой мне предстоит получить продовольственную карточку.

У нас в батарее был такой парнишка – Славик Моргачев. Небольшого роста, щупленький такой, неглупый. Он хорошо рисовал. Ему бы в художественное училище пойти. Но отец – генерал решил иначе и направил его в спецшколу.

Славик как-то с помощью сырой картошки мог перевести с оригинала на пустой бланк любую печать.

И вот он каким-то образом достал бланки отпускных удостоверений и с помощью картошки поставил на них спецшкольную печать. Осталось только проставить фамилию, имя, отчество отпускника, город, куда он направляется и по этому отпускному удостоверению можно было получить продовольственную карточку. Такие липовые удостоверения Славик раздал всем в батарее.

При этом, не обошлось без происшествия.

Один из наших ребят, получая у секретаря начальника школы отпускное удостоверение, случайно засветил свое «липовое».

Он сразу прибежал в батарею, виновато покаялся. Стали решать, как быть.

О том, что секретарь Генриэтта Михайловна доложит о случившемся начальнику школы, у нас не было сомнений.

Что делать?

Вспомнили, что у начальника школы роман с молодой преподавательницей английского языка.

Решили действовать через нее. И направили на встречу с красавицей нашего старшину Женю Басова.

Англичанка обещала все уладить, просила не беспокоиться. И она слово свое сдержала...

И вот сейчас я пришел из столовой, принес бидончик с маминым завтраком, и мне предстояло решать эту карточную проблему: получить одну карточку здесь, в Новотроицке, другую – в Соцгороде, что в семи километрах отсюда.

Второй карточкой я решил заняться завтра. А пока зашел в контору и получил свою законную.

Выйдя на улицу, я направился, было, в свою землянку. Но остановился.

Еще когда шел сюда, над дверью соседнего подъезда заметил три большие буквы – ОРС и ниже более мелким шрифтом – отдел рабочего снабжения.

Об этом ОРСе и его начальнике – Сапрыкине вчера упомянула Ева.

Я решил зайти к нему и попросить об улучшении жилищных условий мамы с Евой.

– Леонид Максимович занят, у него Хейфец, – сказала в приемной молодая симпатичная секретарша, словно я должен был знать, кто он такой, этот Хейфец, – У вас что-нибудь срочное?

– Да нет, – неуверенно сказал я.

– Ну, тогда можете подождать, – кивнула она на несколько стульев у окна и показала рукой на них.

Я присел и стал думать, как лучше мне выразить свою просьбу.

Сапрыкин наверняка станет говорить о трудностях военного времени, о том, что здесь не курорт, всем трудно: идет война, надо терпеть и т. д. И он по-своему будет прав. По-своему, но не по-моему...

Прошло около получаса, пока, наконец, не открылась дверь кабинета, и оттуда вышел этот самый Хейфец, тоже, судя по всему, какая-то местная «шишка», – подумалось мне.

Я встал, шагнул к двери, но секретарь рукой остановила меня.

– Простите, как мне доложить о вас?

– Моя фамилия Сударов, я курсант специальной артиллерийской школы. Этого достаточно?

– Вполне, – с улыбкой ответила секретарша и скрылась в кабинете начальника. Потом появилась на пороге и, не прикрывая за собою дверь, предложила мне войти.

Мы встретились с начальником ОРСа уже как старые знакомые. Я рассказал ему о нашей семейной эпопее. Как мы уходили из родного города, о гибели Володи, смерти папы, о бессонной ночи в клоповнике...

– И вообще, Леонид Максимович, – сказал я, – это не порядок, когда среди семидесяти мужчин в землянке живет пожилая больная женщина с дочерью...

Еще я посетовал на то, что худенькой миниатюрной Еве приходится таскать многоэтажные тяжелые подносы, что она уже уронила один и с нее высчитали деньги за это.

В общем, я излил ему свою душу...

Конечно, как я и предполагал, Сапрыкин ссылался на трудности военного времени. Но пообещал подумать, чем он может нам помочь.

Я ушел от него с шаткой надеждой на успех моего визита.

Вечером, когда мы с Евой пошли погулять, я рассказал ей о встрече с Сапрыкиным, поведал о нашем разговоре, о том, что он обещал помочь.

– Зря ты ходил к нему, – махнув рукой, сказала Ева. – Переселять нас с мамой все равно некуда, в других землянках та же картина. Может только найдут более действенное средство против клопов. И то будет хорошо.

– Посмотрим, – сказал я, почему-то надеясь, что моя встреча с Сапрыкиным была не напрасна.

Мы шли в темноте, спотыкаясь на неровной дороге. Я подумал о том, что мне предстоит решать вопрос о второй продовольственной карточке.

– Завтра с утра мне надо будет совершить экскурсию в Соцгород, – сказал я.

– В соцгород? Зачем? – удивилась Ева.

Я рассказал ей историю со вторым отпускным удостоверением, в котором указано, что я направляюсь в отпуск в Соцгород, и что таким образом я могу там получить вторую продовольственную карточку...

– Боря, я не хочу, чтобы ты получал эту вторую карточку, – сказала Ева.

– Почему? У нас в батарее у всех по два отпускных удостоверения, и все получают по две карточки, – удивился я возражению Евы.

– Пусть все так делают, а тебе это ни к чему. Не надо, я не хочу, – повторила Ева.

Я вспомнил нравоучительную беседу папы со мной по поводу злополучного блинчика в Буланове, его возвращение к этому в письме. И решил в Соцгород уже не ходить.

Мы вернулись в нашу землянку, там было темно, все уже спали. Мы тоже улеглись и быстро уснули. Но, как и вчера, ненадолго. Клопы не оставляли нас в покое.

Рано утром Ева поднялась, привела себя в порядок и отправилась в столовую.

– Бидончик я взяла, – сказала она мне, – а ты не опаздывай, приходи к десяти часам.

Но к десяти мне не довелось подойти в столовую. Мы с мамой лежали, дремали после бессонной ночи, когда в землянку вошли пять-шесть женщин во главе с самим... Хейфецом! Я еще вчера понял, что здесь, в Новотроицке, это какая-то важная птица. Потом узнал: начальник коммунального хозяйства!

Хейфец бесцеремонно одернул занавеску нашего закутка.

Я вскочил:

– В чем дело?

– Это вы, молодой человек, вчера были у товарища Сапрыкина?

– Ну я, а что?

– Как это ваша мать и сестра оказались в мужской землянке?

– Об этом я вас должен спросить, товарищ Хейфец, – резонно ответил я.

Я ждал, что он спросит, откуда я знаю его фамилию. И был готов ответить, но тут раздался жалобный, испуганный голос мамы:

– Нас поселили сюда, – робко сказала она, натягивая одеяло на грудь.

– Сейчас тут будут проводить дезинфекцию, – сказал Хейфец, не став вдаваться в подробности, как мама с Евою попали в мужскую землянку. Он понял, что это оплошность его самого.

– А вас, гражданка, или вашу дочь, я прошу в течение дня зайти в жилищную контору с паспортами для получения ордера на другое жилье.

Мы с мамой быстро собрали вещи, укрыли их под полатами. Женщины, пришедшие с Хейфецом, уже приступали к работе.

Я вывел маму на улицу, усадил на скамейку у входа в землянку и сказал, чтобы она никуда не отлучалась. А сам пошел в столовую.

– Ты что, проспал? Я уже думала: что-то случилось, собиралась идти к вам, – сетовала Ева.

– Случилось, случилось, сестрица, – сказал я и поведал ей о причине моего опоздания.

– Ордер, говоришь? Это, значит, нас поселят в новый, только построенный дом, а не в землянку. Как же нам быть? Мне сложно будет уйти. У нас и так одна официантка не вышла на работу.

Ева задумалась.

– Ну мы с мамой можем пойти, – сказал я.

Так и решили. Позавтракав, я взял бидончик с маминой едой и ушел.

В нашей землянке, между тем, полным ходом шла работа. Войти туда без противогаза или марлевой повязки, невозможно было.

Мама, сидя на скамейке, стала завтракать. А я, затаив дыхание, шмыгнул в наш закуток, благо он находился у самого входа в землянку, схватил из под полатей кулек, в котором находились паспорта, и пулей выскочил наружу.

Получив ордер, мы с мамой пошли смотреть их новое жилище. В довольно большой комнате трехкомнатной квартиры стояли три металлические кровати. Здесь маме и Еве, вместе с подселенкой, пожилой женщиной, предстояло прожить до конца войны.

А через три дня – новая удача: Еву перевели на работу официанткой в итеэровскую столовую.

Правда, она находилась далековато, в полутора-двух километрах от дома. Но работать здесь было значительно легче и приятней. Приходилось иметь дело с интеллигентными людьми. Да и питание было получше.

Ева быстро познакомилась и подружилась с другими официантками, такими же молоденькими, симпатичными девчонками, как она.

Как-то я неожиданно встретил здесь, в Новотроицке, Юру Шейкина, с которым вместе учились в школе. Его, на несколько дней, судьба забросила сюда, как участника строительного отряда.

Когда Евины подруги узнали об этом, они просили, чтобы я вместе с ним приходил обедать. И мы несколько раз, пока он находился в Новотроицке, так и делали.

Помню, мы как-то возвращались из столовой, и в степи нас встретили два милиционера в штатском. Стали выяснять, кто мы такие, попросили показать документы.

Кого и что они искали, мы так и не поняли. Ева потом сказала, что милиционеры не так давно задержали здесь дезертира, вот и проверяют теперь всех, кто появляется в городе.

После переселения мамы с Евой в нормальный дом и перевода Евы в другую столовую, жизнь их стала повеселей.

Ева дружила здесь с семьей Марины Коэн, отец которой заведовал хлебным магазином. С Евой они были одноклассники. У Марины была сестра Мира, симпатичная девочка, моя ровесница. И вот по вечерам мы собирались на квартире этих Коэнов.

Для Евы это была отдушина, когда она могла на время отключиться от повседневных житейских забот.

За ней пытался ухаживать какой-то интеллигентный еврей, старше нее лет на десять, предлагал ей, что называется, руку и сердце. Но Ева отказала ему.

Ее тайным избранником был другой – Яша Симкин. Летом 1941 года он приезжал в Мстиславль к своей сестре, Евиной подруге, и тогда они познакомились. Но затем в водоворот войны они потеряли друг друга. Этой большой для Евы темой я никогда не касался.

Заканчивался мой отпуск, пора было возвращаться, причем уже не в Илек, а в Тоцкие военные лагеря.

Ева засушила мне сухари из черного хлеба. Но везти их не в чем было. Так она обратилась к какому-то работяге из своей бывшей клопиной землянки, который смастерил для меня элегантный по тем временам, фанерный чемоданчик, с миниатюрным замочком даже!

Лесковский Левша, подковавший блоху, да и только!

С этим музейным экспонатом в конце июня я покинул Новотроицк и благополучно прибыл в тогда еще мало кому известные Тоцкие военные лагеря. Но через одиннадцать лет о Тоцком узнает весь мир. В такие же жаркие летние дни 1954 года здесь будут проводиться всеармейские военные учения, в которых доведется принять участие и нашей артиллерийской бригаде. **применением атомной бомбы**

* * *

А тогда, в июле сорок третьего, с трудом разыскав землянку, в которой расположилась наша школа, я поставил свое фанерное чудо на свободное место на втором этаже двухъярусной нары и вышел в надежде встретить кого-то из нашей батареи, познакомиться с окружающей местностью.

Пространство, которое можно было окинуть взглядом, было сплошь усеяно землянками, каждая человек на сто и больше. Тысячи новобранцев до отправки на фронт проходили здесь основы боевой подготовки.

По окраине лагеря протекал местами довольно глубокий ручей. Там я встретил с десяток загоравших на берегу наших ребят. Половина не вернулась еще из отпуска.

Я снял гимнастерку, расстелил ее на траве и прилег, тоже решив позагорать. Но солнце так палило, что вскоре мне пришлось встать и присесть в тени рядом растущих кустов.

Приближалось время обеда, ребята заговорили про еду. Стали рассказывать какие-то анекдоты на «заданную тему».

– Ты ничего такого не привез? – обратился ко мне добродушный, долговязый украинец Мельников, лежавший рядом.

– Привез, – говорю, – сухари.

– Угостишь?

– Ну, пойдем, – сказал я.

Мы стали одеваться.

– Одного Мельника приглашаешь? – спросил лежавший с закрытыми глазами и, казалось, дремавший, Веня Лавров.

– Могу и тебя.

Стали подниматься и другие. Не вставал только Курдюкин. Укрыв лицо своей белой пилоткой, он словно спал.

Да я и не пригласил бы его. Он это знал.

Мы вошли в землянку. Там кроме дневального никого не было.

Его мы не знали, он был из другой батареи, еще из киевского набора.

Я залез на нары, заранее вытащив из кармана ключик к своему миниатюрному замочку. Но ключик не понадобился, замочек сиротливо болтался на одной петле, вторая была оторвана.

Сухарей, конечно, в чемоданчике не оказалось.

Все были огорчены, стали возмущаться, упрекали дневального.

– Чужие в землянке не появлялись, – оправдывался он, – а на нарах копошился этот ваш фраер с белой пилоточкой.

– Курдюкин, подлец! Это его работа! – догадался Мельников.

– Сухарей было много, – сказал я. – Он не мог их все съесть.

– Где его место? – спросил Мельников, ни к кому конкретно не обращаясь. Ребята только вернулись из отпуска и точно не знали, где кто устроился.

Стали переворачивать все матрасы подряд, и под одним из них обнаружили Евину холщовую сумочку с сухарями.

Я угостил всех, но ребята не могли успокоиться.

– Надо как следует Курдюку поддать, – сказал Мельников, – а то он так и будет нас обкрадывать.

– И сказать комбату, – добавил Боря Штейн.

Мы пошли к ручью.

Били Курдюкина нещадно. Руками и ногами.

Окровавленный, он спасся от худшего только в ручье, куда ему пришлось ступить в чем был, – в одежде, в обуви. Там его уже никто не стал преследовать.

В начале августа вся школа была уже в сборе. Начались общелагерные режимные дни: подъем, физзарядка, утреннее построение.

Помню, на одном из построений всего многотысячного лагеря на плацу был зачитан приказ Наркома обороны о каком-то дезертире.

И перед строем, под барабанным боем, три автоматчика – один спереди, двое сзади – провели этого несчастного, – в нижнем белье, без обуви.

Эта жуткая картина навсегда осталась в памяти.

* * *

Из Топка в конце августа в Илек мы уже не вернулись.

Новый учебный год нам предстояло начать в Бузулуке, где в наше распоряжение было предоставлено добротное двухэтажное кирпичное здание со всеми удобствами для жилья и учебы. Хотя в жилых помещениях и там были все те же двухэтажные нары. Но после Илека это казалось не столь уж важным.

Помимо учебных классов, в доме был большой зал, где устраивались всякого рода мероприятия: вечера отдыха, встречи с интересными людьми, даже изредка танцевальные вечера.

На один из таких вечеров я как-то пригласил симпатичную девочку, работавшую на телеграфе. Но она, к сожалению, жила далеко за городом, провожать ее пришлось поздно вечером по снежным сугробам, и больше на вечера я ее не стал приглашать. А жаль, славная была девочка.

На одной из творческих встреч у нас выступал молодой лейтенант – политработник из соседней воинской части. Он прочитал только опубликованное стихотворение К. Симонова «Женщине из города Вичуга». Симонов в ту пору был военным корреспондентом «Красной звезды» и постоянно находился на фронте. Корреспонденции его всегда с интересом читали в тылу, порой это были стихи. Его стихотворение «Жди меня», посвященное Серовой, знала вся страна. Даже Сталин как-то упоминал о нем, – правда иронически.

И вот однажды офицеры полка, в котором Симонов в ту пору находился, показали ему письмо женщины из города Вичуга. Она писала, что вышла замуж, и чтобы друг ее больше не ждал...

Офицер, которому было адресовано письмо, к тому времени был убит. Его товарищи попросили Симонова, чтобы он ответил этой женщине. И он ответил ей этим стихотворением.

Мне оно понравилось, тронуло меня своей искренностью, правдивостью. И я на следующий день пошел в библиотеку, переписал из газеты его в блокнот и выучил. Потом, много позже, уже в Германии, читал это стихотворение на таком же вечере в нашей бригаде. Но это будет спустя пять лет.

А тогда, в сорок третьем году, мы учились и, как в Илеке, занимались хозяйственными делами. Той же заготовкой дров, разгрузкой вагонов на железнодорожной станции.

Помню, нам довелось как-то разгружать на станции вагоны с мукой, мешки тяжелые – килограммов по сто.

Курдюковцы и тут отличились. Они решили, что какая-нибудь сердобольная старушка сможет из муки испечь для них что-нибудь.

Но как вынести ее? Через контрольный пункт охрана ведь не пропустит. Выход нашелся. Курдюкин и его дружки сняли носки, натолкали в них муку, перевязали и перебросили через забор. Потом, выйдя за ворота, подобрали свою добычу.

Что и говорить, голодновато было. Не все справлялись с этим.

Как-то мы со Славиком, нашим «художником», решили пройтись по городу. Оказавшись у рынка, почему-то зашли туда, хотя денег у нас не было. «Не купить, так хотя бы прицениться».

Была ранняя осень, на прилавках полно фруктов, овощей. Какая-то старушка угостила нас морковкой. Мы вышли за территорию рынка, присели на скамейку у ближайшего дома и, почистив кое-как морковку, стали ее грызть.

Вдруг вижу – из калитки выходит мужчина. Я узнал его. Это был отец Евы Кудравицкой, подруги нашей Евы. Сразу не решался его окликнуть, боялся ошибиться: он уже отошел метров на двадцать, когда я все же несмело крикнул: товарищ Кудравицкий!

Мужчина повернулся, мы пошли друг другу навстречу. Кудравицкий меня, конечно, не мог узнать, и я представился, как брат Евы Сударовой.

Он взял меня за руку, и мы вернулись в дом.

– Принимай гостя, – сказал он Еве с порога и ушел.

Ева угостила меня стаканом молока с белым хлебом, чего я давно не видел. Стала спрашивать обо всех наших...

Второй раз мы встретились с ней уже после войны.

Она жила с мужем – Героем Советского Союза в Подмосковной Малаховке.

Муж ее рано умер. Ева похоронила его там же, у себя в саду. Не представляю, как ей разрешили это сделать. Видимо, звание Героя сыграло свою роль...

* * *

Летом 1944 года, получив очередной отпуск, я уехал в Москву к Рите. Она только вернулась с Софой, Илюша оставался в Саратове, его не отпустили с завода.

В Москве я встретился с Борисом Штейном. Он успел оформить перевод в московскую артшкола. И я поступил подобным образом.

Последний учебный год я уже учился в Московской артиллерийской спецшколе.

Жил я не в общежитии при школе, как большинство, а у Риты.

Окончание учебного года, а с ним и школы, руководство решило отметить на зафрахтованном прогулочном пароходе. Некоторые пригласили в поездку своих знакомых девушек. Я тоже пришел не один, пригласил Раю, с которой мы в ту пору, да и позже поддерживали дружеские отношения.

Все бы хорошо, но я здорово тогда опростоволосился: забыл попросить у Риты немного денег. И не мог угостить мою Раечку даже стаканом водички. Ужасно было неприятно. Надеюсь, Рая меня, растяпу, простила.

На дворе был июнь 1945 года, приближалось время исторического военного парада – Парада Победы на Красной площади. Наша школа должна была принять в нем участие, и мы ежедневно занимались строевой подготовкой.

Хмурым утром 24-го июля школа заняла свое место согласно диспозиции у входа на Красную площадь. Неожиданно вдруг пошел мелкий дождик, потом он усилился и пре-

вратился в проливной. Мы все промокли, но терпеливо стояли в строю и ждали. Тогда еще, к сожалению, не научились разгонять облака...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.